

ГЛАВА
1

Уинни Дарлинг

В школу я не хожу уже два года как, но всё же до сих пор трахаюсь на пассажирском сиденье внедорожника с популярным защитником из школьной команды по футболу.

В сексе он полный ноль. На поле — великолепен.

Меня бы это полностью устроило, если бы я любила футбол и терпеть не могла секс.

Энтони толкается в меня, и я стараюсь изобразить из себя порнозвезду, потому что знаю, что ему это нравится.

Я притворяюсь, что испытываю оргазм.

Я не порнозвезда, но я дочь проститутки, а это, думаю, близкие понятия.

— О, чёрт возьми, Уинни. Охренеть.
О, детка.

Руки у него липкие, он держит меня еле-еле. Дрожит, как мальчишка — да он мальчишка и есть.

Мы ровесники, но по ощущениям между нами лет десять разницы.

— Охренеть, — выговаривает он, жарко выдыхая на мою обнажённую грудь. — Как хорошо... Тебе хорошо?

Полное отсутствие уверенности в себе. Просто невыносимо. Даже не знаю, спала ли я когда-нибудь с уверенным в себе мужчиной.

Или нет.

Может быть, они уверены только в своём праве кого-то поймать.

— Очень хорошо, малыш. Ты прекрасно трахаешься.

А я прекрасно вру.

Продолжаю скакать на Энтони, он улыбается, а затем, дотянувшись, залепляет мне рот поцелуем..

Я ничего не чувствую. Всё тело тупо и глухо болит.

Мигрень пульсирует в голове за глазами.

Я мертва внутри.

И мне охренительно скучно.

Остаётся лишь ждать момента, когда явится какая-то ожившая сказочка и наконец похитит меня.

С днём рождения, мать его.

* * *

Энтони застёгивает джинсы и отвозит меня домой.

Внедорожник мчится по моему району, я пялюсь в окно.

Вот он уже паркуется у бордюра, и я начинаю открывать дверцу, но Энтони хватает меня за руку и наклоняется за поцелуем.

Я нехотя отвечаю.

— Пойдёшь на вечеринку в выходные? — спрашивает он с большей надеждой, чем мне хотелось бы.

Девчонку, которая не прочь перепихнуться, всегда приглашают на вечеринки. На целую прорву вечеринок. Все они одинаковые, но это мне и нравится. В моей жизни было мало постоянных вещей.

— Напиши мне, — отвечаю я, потому что понятия не имею, где буду в эти выходные.

Сегодня мой восемнадцатый день рождения, и до меня все женщины в роду Дарлинг исчезали именно в эту дату.

Кто-то на сутки, кто-то на неделю или на месяц.

Но возвращались они уже сломленными, в разной степени невменяемости.

Я не хочу сходить с ума. Меня вполне устраивает быть такой, как сейчас. По большей части.

Стоит мне войти домой через заднюю дверь, как прямо передо мной внезапно появляется мама.

— Где ты была, Уинни? Я думала, он уже забрал тебя и... — Тут же она переключается на другую мысль, бежит к ближайшему окну и проверяет задвижку.

За работой она вечно бормочет себе под нос.

Пираты, и Потерянные Мальчишки, и феи.

И он.

Она не произносит его имени, пока бодрствует, но ночью иногда просыпается с криком.

Питер Пэн.

Мама лежала в психиатрической больнице семь раз. Говорят, она шизофреничка, как и бабушка, и прабабушка — и все женщины в семье Дарлинг до неё.

Фамильное безумие, передавшееся мне по наследству.

— Уинни! — Мама подбегает ко мне, хватаяет меня за запястья. Руки у неё костлявые, глаза широко распахнуты от испуга. — Уинни, что же ты творишь? Иди в комнату! — Она толкает меня вдоль коридора.

— Но пока ещё день. И я хочу есть.

— Я тебе принесу... когда он... ладно, слушай. — И вот она уже ослабила хватку и снова смотрит вдаль, хмурясь чему-то своему. У меня внутри всё сжимается.

Пожалуйста, ради всех богов мира, я не хочу закончить, как моя мать.

Она кричит на меня:

— Он уже близко!

— Я знаю, — обращаюсь к ней специальным успокаивающим голосом, — знаю, что он близко, но у тебя дом задраен лучше, чем бомбоубежище. Не думаю, что хоть кто-то сможет попасть сюда.

— О, Уинни, — у неё перехватывает дыхание. — Он может проникнуть куда угодно.

— Если он может проникнуть куда угодно, зачем запирает окна? Зачем оставаться в комнате?

Она запикивает меня за порог, игнорируя логические доводы.

«Особая комната», где я живу, — буквально произведение искусства, памятник крошечному ужасу. В грубых мазках краски на стенах читается безумие. Все стены расписаны руническими символами, у двери на наличнике знаки чуть ли не вытравлены.

Через каждый наш съёмный дом проходил целый строй так называемых ведьм, шаманов и жрецов вуду, и все они появлялись в нашей жизни, чтобы продать маме очередной секретный способ защититься от него.

У нас и так никогда не было денег, но мы спустили всё, что могли, вот на это.

— Я принесу тебе что-нибудь поесть, — решает мама. — Что ты хочешь?

— Да всё в порядке. Я могу...

— Нет! Я принесу. А ты останешься в комнате. Оставайся в комнате, Уинни!

Она убегает обратно в коридор, в своём лёгком развевающемся белом платье напоминая привидение. Через несколько секунд с кухни слышится грохот кастрюль и сковородок, хотя я абсолютно уверена, что у нас нет никакой еды, которую можно было бы положить в кастрюлю.

Это девятнадцатый дом, в котором мы поселились.

Я знаю количество мест проживания, которые мы сменили, но не могу вспомнить большинство из них. Когда множество разных стен сливается в одно невнятное пятно, трудно почувствовать себя как дома.

Мама объясняла, что думала сбить его — Питера Пэна — со следа нашими постоянными переездами. Мы путешествуем налегке. У меня есть две сумки с вещами и один сундук, доставшийся от прапрабабушки Венди. Внутри он меньше, чем снаружи, а по весу вдвое тяжелее, чем кажется.

Избавиться от него я не могу.

Сундук как будто единственное наше настоящее имущество, только он имеет хоть какую-то ценность.

Наше нынешнее жильё — ветхий викторианский дом с осыпающейся штукатуркой, истёртым поцарапанным паркетом и множеством пустых комнат. У нас даже дивана нет. Мебель слишком тяжело перевозить.

Я падаю на надувной матрас в углу своей «особой комнаты», устремив взгляд в потолок. По нему вьются нарисованные кровью надписи — ведьма из Эдинбурга сказала, что подойдёт только кровь.

И непременно моя.

Может быть, мы все по-своему сумасшедшие.

Мама приносит мне бутерброд с арахисовым маслом и мармеладом, а также стакан воды из-под крана.

Она смотрит, как я ем, вздрагивая каждый раз, когда дом скрипит. Я снимаю с хлеба корку и поедаю её, как длинную нитку спагетти. Прошу маму:

— Расскажи мне о нём.

Она дёргается.

— Я не могу.

— Почему?

Мама постукивает указательным пальцем по виску.

Насколько я поняла, она думает, что какая-то магия мешает ей говорить о нём подробно, так что мне удаётся разузнать только обрывочные сведения. Мама утверждает, что в новолуние действие заклятия становится слабее, но сейчас близится полнолуние.

Во время прилива при полной луне все чудовища выходят на свет. Волки, феи и Потерянные Мальчишки. Так она говорит.

— Что ты *можешь* мне рассказать? — спрашиваю я.

Она несколько секунд обдумывает вопрос, сжавшись в углу комнаты на койке,

подтянув колени к груди. Я предполагаю, что когда-то мать была красивой, но сама видела её только после того, как она сошла с ума. У неё, как и у меня, тёмные жёсткие волосы, уже редющие от того количества лекарств, которое она принимает. На впалых щеках горит нездоровый румянец.

Ногти у неё расслаиваются, под глазами круги. Она больше не работает. Её пособия по инвалидности с трудом хватает на оплату счетов. И мне кажется, чем больше времени мама проводит в изоляции, тем ей хуже.

— Я помню песок, — наконец улыбается она.

— Песок?

— Это остров.

— Что — это?

— Место, куда он тебя заберёт.

— И ты тоже там была?

Она кивает.

— Неверленд по-своему прекрасен. — Мама обхватывает руками колени и сжимается в комок. — Там кругом магия, её столько, что это можно почувствовать кожей, ощутить вкус на кончике языка. Вкус жимолости и морочных ягод. — Она поднимает голову, смотрит на меня широко рас-

крытыми глазами. — Мне так не хватает морочных ягод. А ему — магии.

— Кому? Питеру Пэну?

Мама снова кивает.

— Он теряет контроль над сердцем острова и думает, что мы сможем это исправить.

— Почему? — Я отрываю уголок бутерброда и разминаю хлеб между пальцами, расплющивая его в блин. Мармелад брызгает с края. Я пытаюсь растянуть еду, насколько могу, чтобы обмануть желудок, будто накормила его обедом из пяти блюд.

Мама прижимается щекой к коленям и бормочет:

— Они нарушили обещание. Дали мне обещание и нарушили его.

— Какое обещание?

— Я не знаю, как его остановить, — шепчет мама, не обращая на меня внимания. — Не знаю, достаточно ли всего, что я сделала.

— Всё будет хорошо, — уверяю я. — Я нисколько не волнуюсь.

Ведь ничего этого не существует.

Ничего, кроме безумия.

Вот оно меня как раз волнует.

Неужели это работает как выключа-

тель? В одну минуту я нахожусь в здоровом уме, а в следующую — нет?

Перспектива слететь с катушек пугает меня больше любых страшилок.

* * *

Когда мама засыпает, я медленно выскользываю из комнаты.

Налетела гроза, и за окном сверкают молнии; тени внутри старого дома заметно удлиняются.

Я иду по коридору в ванную. Там смотрю на себя в зеркало и не узнаю, словно вижу незнакомку. Иногда меня тревожит мысль, что если я потянусь к своему отражению, рука встретит лишь пустоту.

Я начинаю походить на неё.

Исхудавшая до костей. Измождённая.

Не хочу сходить с ума.

И я *невероятно* устала.

Кофта соскальзывает с плеча, и я мельком замечаю рубец, будущий шрам, повторяющий по форме руны на потолке.

Подтягиваю воротник выше.

В аптечке только одна дверца, поэтому левая сторона открыта, и внутри виднеются несколько рядов баночек с таблетками.